

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ М. ПАВИЧА «ПЕЙЗАЖ, НАРИСОВАННЫЙ ЧАЕМ»

Николич Милица

младший научный сотрудник, Московский
государственный лингвистический университет
m.nikolich@linguanet.ru

THE BINARY OPPOSITION "SELF/OTHER" IN M. PAVICH'S NOVEL "A LANDSCAPE PAINTED WITH TEA"

M. Nikolich

Summary: The article is devoted to the study of the binary opposition "self/other" in the context of the main character's transformation from the Serb Atanas Svilar to the Russian Afanasy Fedorovich Razin in M. Pavich's novel "A Landscape Painted with Tea". The study focuses on the role of M. Pavich's authorial myth and the chronotope of the Holy Mountain as the source of Atanas's change, as well as the Russian cultural space that emerges because of his transformation. It is concluded that Russian culture is conceptualized as "self" in relation to the hero's identity and plays a key role in preserving his connection with his lost essence. In turn, the materialistic civilization of the Western world is presented as "other" and hostile space. It embodies the hero's break with the Byzantine-Holly Mountain tradition and leads to his moral degradation.

Keywords: Russian culture, the western world, The Holly Mountain, authorial myth, self/other, self-discovery.

Аннотация: Статья посвящена исследованию бинарной оппозиции «свой/чужой» в контексте трансформации главного героя из серба Атанаса Свилара в русского Афанасия Федоровича Разина в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем». Основное внимание в работе уделено роли авторского мифа М. Павича и хронотопу Святой Горы в романе как истоку изменения Атанаса, а также русскому культурному пространству, которое появляется в результате его трансформации. В итоге установлено, что русская культура осмысливается как «своя» по отношению к личности героя и играет ключевую роль в сохранении связи с его утраченной сущностью. В свою очередь, чужим и враждебным пространством оказывается материалистическая цивилизация западного мира. Она олицетворяет разрыв героя с византийско-святогорской традицией и приводит его к моральной деградации.

Ключевые слова: русская культура, западный мир, Святая Гора, авторский миф, свой/чужой, самопознание, трансформация.

Настоящая работа посвящена природе восприятия русской культуры как своей или чужой в контексте трансформации главного героя Атанаса Свилара из серба в русского Афанасия Федоровича Разина в романе Милорада Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988).

Вопрос о разделении людей на категории «свой» и «чужой» представляется особо актуальным в современном мире, в котором межкультурная коммуникация стала повседневным явлением, а собственная культурная идентичность осмысливается во взаимоотношениях с иной [Ильинская, Бирженюк, Ременюк, 2023, с. 169–170]. В этом плане, ключевое влияние оказали теории диалога культур М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, в основу которых лежит идея о том, что «личность может существовать, если ей предшествует другая личность, тексту – другой текст и культуре – другая культура» [Панова, 2009, с. 57]. Такая тенденция стала одним из ключевых аспектов постмодернистской картины мира, в том числе поэтики Милорада Павича. Писатели создают разные культурологические модели с помощью мифологии (нередко, авторских мифов), архетипов, фантастики и истории. В связи с тем, что оппозиция «свой/чужой» является фундаментальной характеристикой мифологического мира, а в постмодернистских текстах миф «заменяется более широким понятием культуры» [Слащёва, 1997, с. 52],

данная оппозиция будет рассматриваться нами по отношению к культурным средам, которые в определенной мере влияют на личность и деятельность главного героя в «Пейзаже, нарисованном чаем».

Необходимо отметить, что «свое/чужое» воспринимается писателем как противостояние «двух миров: «своего» маркируемого положительно, и «чужого», маркируемого отрицательно», между которыми стоит незыблемая граница [Слащёва, 1997, с. 47–48]. К тому же, Е.В. Шатько пишет, что для «ряда персонажей характерна перцепция знакомого пространства как некоего «своего» центра, тогда как неизведанное представляется чуждым, и, как следствие, враждебным» [Шатько, с. 145, 2024]. Соответственно, под чужим имеется в виду не просто иная культура, но та, которая обладает негативной коннотацией и представляет угрозу для личности героя. Кроме того, «что есть «свое» или «чужое» определяется во многом менталитетом и укоренено в сознании на глубинном архетипическом уровне» [Ильинская, Бирженюк, Ременюк, 2023, с. 170]. Восприятие героев Павича внешнего и внутреннего миров в значительной мере сопряжено с культурным наследием их народа и семейными историями.

В «Пейзаже, нарисованном чаем» Павич воплощает сербско-русский культурный диалог сквозь призму

смены национальности главного героя-серб Атанаса Свилара. На развитие сюжета также влияет западная культура, поскольку герой отправляется в Америку, откуда возвращается «обладателем двух процентов мирового дохода от применения ядерной энергии в мирных целях» [Павич, 2002, с. 26], и русским Афанасием Федоровичем Разиным. Вопрос о природе восприятия и роли русской культуры в романе возникает, так как после трансформации из серба в русского прослеживается моральная деградация героя в силу его сомнительной деятельности. При этом, Павич разделял панславистские взгляды и неоднократно отмечал свою приверженность к России: «Я родился и всю жизнь прожил на Балканах, а потому говорю вещи, важные прежде всего для русских, сербов, греков» [Шарый, 1999].

Ответ на данный вопрос необходимо искать в самой причине трансформации героя, которая кроется в авторском мифе Павича об одиночках и общинниках. История мифа представлена лишь в первой части романа, но он пронизывает весь «Пейзаж, нарисованный чаем». Например, в романе наблюдаются элементы мифологического устройства текста, такие как циклическая структура, нелинейность, безвременность, роковая судьба и использование бинарных оппозиций. Также миф актуализируется в современности на основе пути самопознания сербского архитектора Атанаса Свилара, который ощущает «сорок пятый год своей жизни, как запах чужого пота» [Павич, 2002, с. 12]. Он понимает, что его жизнь не удалась как в личном, так и в профессиональном планах. Свилар не смог осуществить ни один из своих проектов, а невозможность удовлетворить творческий порыв превратилась в сенную лихорадку, которая каждый год возвращается. Желая найти лекарство от своей болезни, Атанас добирается до сербского монастыря Хиландара. Ему предстоит пройти сквозь «зеркало времени», так как проблема неудачи и «пустоты» в его жизни коренится не в «фактах здешнего мира, а в вопросах высшего порядка» [Пијановић, 1998, с. 213].

В этом плане герой не случайно оказывается в Хиландаре. В сербском монастыре он сталкивается с коллективным прошлым своего народа, с судьбой отца и с самим собой. Коллективное, семейное и личное героя воплощает сад рядом с Хиландаром, посаженный его отцом Костом Свиларом, укрывавшимся от немцев в монастыре во время Второй мировой войны. Первые буквы названий растений отражают имя Атанаса. В этом приеме Е. Маричевич узнает византийский прием нотарикон (расшифровка слов и имен как аббревиатур или наоборот), который отражает идею о том, что человек – маленькая вселенная [Маричевић, 2025, с. 32]. Все «мысли, желания, поступки» героя «здесь проросли, расцветали и никли вместе с цветами или сорняками» [Павич, 2002, с. 89–90]. Подходя к саду, он «ощутил сильный запах – словно бы застарелой мочи», что указывает не только на текущее

внутреннее состояние Атанаса, но и предвещает его будущие «дурные поступки» [Павич, 2002, с. 89–90].

Путь героя на Святую Гору сопровождается мифологической историей о том, какую роль сыграли славяне в возобновлении двух укладов жизни афонских монастырей. После победы над иконоборцами, запретившими иконы в храмах и прогнавшими монахов-пустынников, греки решили заселить опустевшие монастыри славянами, благодаря чему возобновился двойной образ монашеской жизни: «И тогда грекам пришлось впустить на Атос варваров для создания новых монастырей. <...> Так возникли на руинах прежних греческих монастырей новые, славянские: русский Русикон, сербский Хиландар, болгарский Зограф и другие» [Павич, 2002, с. 55]. Святая Гора, таким образом, становится панславистским пространством – важным местом культурного взаимодействия славянских народов, в первую очередь сербов и русских. В образе Афона в романе заложена идея Павича о том, что славяне также являются преемниками византийского наследия наравне с греками. В частности, Хиландар представляет собой колыбель сербской письменности и культурной идентичности. Й. Делич отмечает, что все герои писателя «бродят» по территориям «между Хиландаром Саввы и Немани и церкви Святого Саввы Сербского» [пер. наш – М.Н.], [Делић, 1991, с. 296]. Церковь святого Саввы была построена в 1727 году в Сибири сербским графом и послом Российской империи Саввом Рагузинским, который оставил значительный след в укреплении сербско-русских связей в XVIII веке. Этот культурный диалог, которым Милорад Павич особо интересовался, писатель воплотил в образе Атанаса. Во второй части романа раскрывается тайна его происхождения: биологическим отцом героя оказывается русский математик Федор Алексеевич Разин, а не Коста Свилар. Таким образом, будучи одновременно сербом и русским, Атанас становится не только воплощением сербско-русского диалога, но и носителем византийско-святогорского культурного кода.

Кроме истории о иконоборчестве, миф рассказывает и о том, как формировались два уклада жизни монахов-одиночек (пустынников, которые живут и действуют каждый сам по себе) и общинников (общежителей, которые живут и действуют вместе с братьями) на Афоне. По правилам, общинники становятся хорошими музыкантами, строителями, солдатами и актерами, поскольку перечисленные профессии предполагают работу в обществе. В отличие от них, одиночки преуспевают в областях риторики, грамматики, метафизики, живописи, языкознания, земледелия и др., не требующих командной работы. В романе прослеживается идея о том, что разделение монахов на два уклада применимо ко всему человечеству – все люди по своей натуре либо одиночки («каждый молчит сам по себе»), либо общинники («разделяют общую тишину») [Павич, 2002, с. 12].

История об одиночках и общинниках напрямую касается Атанаса. Его неудача заключается в том, что он, будучи одиночкой, не сможет быть успешным архитектором, так как данная профессия принадлежит общинникам. При этом внутренний конфликт героя Павич поднимает на уровень отношений между поколениями. Поколение Атанаса было одиночками и в мире, в котором преобладают общинники, терпело лишь неудачи. При этом принадлежность того или иного уклада строго предопределена, но существовал лишь «один-единственный и безмерно дорогой» способ, чтобы «общиннику превратиться в одиночку или, напротив, отказаться от обличья одиночки и облачиться в ризы общинника» [Павић, 2002, с. 68]. Необходимо было «покинуть монастырь, уйдя вместе с новообращенными, на Святую гору переселившись русскими, сербами или болгарскими, изменить имя, перенять их варварский язык и в их монастыре поискать выход в некое время с иными тональностью, ритмом и укладом, дабы здесь начать все сначала. Короче говоря, греки становились болгарскими, армяне – сербами или русскими, русские – греками, чтобы отказаться от прежнего чина и уклада. Иного пути не было» [Павић, 2002, с. 68].

Обращает на себя внимание то, что между перечисленными вариантами перехода в мифе нет примера перехода из серба в русского или наоборот. Исходя из логики романа, в котором трансформация героя подкрепляется внедренными историями и подсказками в тексте, такое отсутствие не является случайным. Делается вывод, что отсутствие варианта перехода из русских в сербов и наоборот объясняется близостью культур двух народов. К тому же монахов, переходивших из одного уклада жизни в другой, называли «транвеститами», чем подчеркивается неестественность их трансформации – они искусственным путем переняли национальные характеристики чужого для них народа, отрекаясь от своего исконного образа.

Согласно правилам укладов жизни афонских монахов, Атанас принимает решение стать общинником – он покидает родной город Белград, уезжает в Вену и принимает русское имя и фамилию. При этом русская идентичность героя мотивируется национальностью его биологического отца, а не логикой мифа, чем не исключается его сербское происхождение. Соответственно, русское не представляется чужим для Атанаса, о чем свидетельствует и образ русского математика во внедренном рассказе в роман – «Потешная история о Федоре Алексеевиче Разине». Неспособность математика влиться в коммунистический режим показывает, что он по своей природе был одиночкой. Таким образом, через русское происхождение отца и его природы одиночки герой сохраняет связь с святогорским мифом и своим исконным образом.

Принимая фамилию и национальность отца, Атанас

все же не перенял менталитет русского народа, но мир вокруг него стал преимущественно русским. Например, во второй части романа прослеживаются многочисленные интертекстуальные связи, в первую очередь с русской литературной классикой «золотого века». В тексте встречаются прямые упоминания писателей (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского), отсылки и цитаты из их произведений, факты из их биографий, а также поэтические влияния. Например, внешний вид любимой Атанаса, Витачи Милут, напоминает Амалию Ризнич, одесскую красавицу и знакомую Пушкина, которая была замужем за сербского негодянта Йована Ризнича: «У нее был профиль гречанки, который вдруг мне напомнил нарисованный рукой Пушкина профиль Амалии Ризнич на полях рукописи «Евгения Онегина». «Вылитая Амалия Ризнич, – подумал я» [Павић, 2002, с. 31].»

О том, что русское воспринимается как «свое» в романе, подтверждается также образом юного, «страшно одинокого» советского солдата, который воплощает Красную армию, освободившую Белград от немецкой оккупации во Второй мировой войне. Это имеет особое значение, поскольку одиночки сильно привязаны к местам. Так, для Косты, который сам был общинником, губительным оказалось то, что игуменом монастыря был одиночка. Он предал Косту и его соратников, чтобы спасти монастырь. В случае Атанаса речь идет о его родном городе – Белграде. Ключи к разгадке личности героя находятся в карте города, сделанной на основе мест его любовных встреч: «И как ни странно, понемногу на плане города, на который он наложил карту своих любовных приключений, стало проявляться что-то похожее на ответ, на букву или цифру» [Павич, 2002, с. 20]. Один из ключей разгадки – слово язык (одиночки склонны к изучению иностранных языков), которое прозвучит во время любовной встречи Атанаса с женой русского офицера, эмигранта. К нему он ходил тайком, чтобы учить русский язык, запрещенный немцами во время оккупации. Если русская культура воспринимается героем как своя, возникает резонный вопрос – что представляется чужим и враждебным для него?

В момент принятия решения поменять уклад жизни, Атанас «поставил перед собой цель: полюбить все, что он до сих пор не любил! Тем самым он перешел, как он сам утверждает, на сторону своих врагов, и дела его сразу пошли на лад» [Павић, 2002, с. 27]. По словам Пияновича, после становления общинником герой «перешагнул из истории в будущее, из византийско-святогорской в материалистическую цивилизацию» [Пијановић, 1998, с. 224]. В романе речь идет о переезде на Запад, куда Атанас добирается благодаря изучению европейских языков во Второй мировой войне. Первая часть романа заканчивается описанием его архитектурного проекта на немецком языке, что иллюстрирует момент перехода к врагам. В отличие от русского языка, немецкий язык они

с друзьями невольно учили во время оккупации Белграда во Второй мировой войне. Тем более, что Коста, которого Атанас считал отцом большую часть своей жизни, погиб от рук немецких солдат. Однако знание языка врага открыло ему дорогу в Европу, а затем в Америку, где он открыл фирму «ABC Engineering & Pharmaceuticals – California» сомнительного производства, заработав большое состояние.

Характерно, что на выпускной встрече одноклассник назовет героя не русским, а «американским гостем», иронично отмечая тот факт, что Атанас был на приеме у президента СФРЮ вместе с американской делегацией. Такой же статус героя подчеркнет Й. Делич, называя его «американцем русского имени и происхождения» [Делић, 1991, с. 166]. Следовательно, подчеркивается принятие Атанасом западной культуры, которая в силу исторических обстоятельств и уклонном на материализм является чужой и враждебной для него. В результате проблема «свое/чужое» превращается в вопрос Востока/Запада, темой которой Павич мог вдохновиться у Ф.М. Достоевского. Все же «своя», восточная культура, для героя представляла стагнацию, невозможность профессионального развития, а западная – прогресс. Однако в этом кроется постмодернистский парадокс, что подтверждает мотив поезда в романе – на поезде Атанас «убегает» из Белграда в Вену. С одной стороны, поезд воспринимается как начало новой жизни. С другой, учитывая интертекстуальную связь между судьбой Анны Карениной с Витачей (например, мать героя читает «Анну Каренину», Витача покидает семью и уезжает с любовником, мотив ревности разрушает отношения Витачи и Атанаса), он также ассоциируется со смертью.

Переезд в Америку и смена уклада жизни действительно привели героя к моральной смерти. Однако, несмотря на предопределенность мифа и материалистического мировоззрения западного мира, Павич не лишает своего героя ответственности за собственные поступки. Атанас осознанно принимал решения, а после долгих колебаний открыл «красивую дверь в Лос-Анджелесе», позволив, чтобы его «обманули» и «эта неудачная деловая операция стала его самым крупным финансовым выигрышем» [Павић, 2002, с. 117–118]. Речь идет о производстве яда для растений, который способен уничтожить «все живое на метр под землей, на которую они попали. Но они попали не только в землю, но и в кровь людей

<...> пострадавшие не догадывались потребовать компенсации еще и за три поколения своего будущего потомства. Вот как глубоко проникала его отравка» [Павић, 2002, с. 117]. Осознав масштаб своего производства и нанесенного ущерба, Атанас затеял новый проект – покупка «белых пчел», душ нерожденных детей. Речь идет о своеобразной пародии на деятельность Чичикова из «Мертвых душ». Настоящие причины покупки белых пчел остаются в романе нераскрытыми, но читатель понимает, что они связаны с деятельностью его фирмы, в которой предвидится экологическая катастрофа, способная уничтожить все человечество. В связи с этим вспоминаются слова Павича о том, что в современное время дети «самый бездоленный класс», потому что мы их «эксплуатируем, наперед продаем и ставим под взаим, потому что уничтожаем их природу, в которой они должны жить, потому что мы выпили их воду, уничтожили их леса, пронзили небо...» [пер. наш – М.Н.][Шомло, 1990, с. 36–37]. Современный человек, по мнению писателя, стал угрозой даже для сатаны, продолжая идею И.В. Гёте из «Фауста» о том, что дьявол свою связь с Богом сохраняет посредством человека. Поэтому сатана вмешивается в деятельность и личную жизнь Атанаса, отнимая у него самое ценное – его любимую женщину. Потеряв Витачу, «он забросил все свои дела, опустил, пресытился победами, глаза его потускнели, словно всю жизнь глядели против ветра...» [Павић, 2002, с. 249]. В конце герой умирает в одиночестве как серб Атанас Свилар, не успев построить ни одного оригинального здания, а лишь копии.

Подводя итоги, можно заключить, что русская культура воспринимается как «своя» по отношению к идентичности Атанаса в романе «Пейзаж, нарисованный чаем». Принятие национальности и фамилии своего биологического отца, русского математика, позволило Атанасу сохранить связь с утраченной природой одиночки и византийско-святогорским культурным кодом. Тем не менее, осознанное решение Атанаса стать общинником и последующий переезд на Запад оказываются для него губительными. Причина этой трагедии кроется в разрыве с его византийско-святогорскими корнями и собственной природой одиночки. Западный материализм и коллективистский уклад жизни общинников вступают в неразрешимое противоречие с его внутренней сущностью, что в итоге приводит героя к моральной деградации и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делић Ј. Хазарска призма. – Београд: Просвета, 1991. – 320 с.
2. Ильинская Е.А., Бирженюк Г.М., Ременюк Н.Р. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в культурологическом дискурсе // Общество: философия, история, культура. – № 4. – Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2023. – С. 169–174.
3. Марићевић Е. Метаморфозе Милорада Павића. Павићу, књига дубоке радости тумачења: монографија. – Нови Сад: Матица Српска, 2025. – с.450
4. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем/ прев. Л. Савельева. – СПб: Азбука, 2002. – 276 с.

5. Панова Л.Н. М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман: диалог о диалоге // Теория и история культуры. М.: Вестник МГУКИ. — №6 (32), 2009. — С. 57–60.
6. Пијановић П. Павић. — Београд: Филип Вишњић. —1998, 407 с.
7. Попович Т. А.С. Пушкин — Сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения-2014. — Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2014. — С. 62–71.
8. Слащёва М.А. Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе Милорада Павича М.: Вестник Московского университета. — Сер. 9. «Филология». — №3// ред. М.Л. Балашова. — М.: Изд. Московского университета 1997. — С.43-53.
9. Шарый А. «Хазарский выпуск Экслибриса «Милорад Павич. Лексикон XXI века»» [Электронный ресурс] // Программы радио Свобода. Поверх барьеров, 1999. — Режим доступа: <https://archive.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBI.15.asp> (дата обращения: 20.06.2026).
10. Шатько Е.В. Образ мира в творчестве Милорада Павича // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений)/ Отв. ред. д.ф.н. И.Е. Адельгейм. Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы», 2024. — С. 137–150.
11. Шомло А. Хазари, или обнова византијског романа: разговори са Милорадом Павићем. — Београд: БИГЗ, Српска књижевна задруга, Народна књига, 1990. — с.191.

© Николич Милица (m.nikolich@linguanet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»